

В истории европейской литературы произведений серьезных и несерьезных поровну. К серьезным относятся те, в которых речь идет о жизненной коллизии и где сюжет заставляет поразмыслить о житейной брэнности. К несерьезным — те, в которых этого нет. Неизвестно, которые научают больше. К первому типу относятся, например, Шекспир, аббат Прево и Достоевский, ко второму — Гриммельсгаузен, Рабле и Гашек. Несерьезные книги, как правило, это книги боевые, сказанное в них слово отпечатывается в сознании бессмертным афоризмом, годным в серьезных ситуациях. Несерьезная книга энциклопедична, в ней скомкана вся патетика, мир представлен в цинических тонах. А ведь циник самый тонко чувствующий человек, настолько тонко и настолько точно, что дает себе труд скрыть свою ранимость.

Рабле скрыл от читателя эпохи Ренессанса свой цинизм, и потому книга его иронична. Существует соблазн отнести несерьезную литературу к разряду литературы постмодернистической, тем самым подчеркнув природу постмодерна, но делать этого не следует.

Тогда пришлось бы отнести серьезные книжки по разряду модерна, а несерьезные признать современными. Впрочем, сами судите, насколько Рабле несовременнее современности постмодерна: его полусотня синонимов кала и прочих испражнений сродни списку кораблей в "Илиаде" Гомера так же, как лоосовский особняк сроден римской инсуле. Тезис "делай что хочешь" (с подтекстом "твори добро"), сделанный лозунгом Телемской обители, созданной Гаргантюа, вполне может сойти как за девиз архитектуры постмодерна, так и за девиз архитектуры после постмодерна. Приводим два постмодернистских фрагмента в классическом переводе Н. Любимова.

Франсуа РАБЛЕ

О том, как было устроено жилище телемитов

Посреди внутреннего двора был дивный алебастровый фонтан, увенчанный изображением трех граций, причем каждая грация держала в руках рог изобилия, а вода лилась у них из сосков, рта, ушей, глаз и прочих отверстий.

Стены, выходившие во двор, поддерживались массивными колоннами из халцедона и порфира, которые соединялись прекрасными античными арками, а под этими арками были устроены прелестные галереи, длинные и широкие, украшенные живописью, а также рогами оленей, единорогов, носорогов, клыками гиппопотамов и слонов и другими достопримечательностями.

Помещения для женщин были расположены между башнями Арктикой и Мессембриной. Мужчины занимали все остальные. Напротив женской половины, между двумя первыми башнями, были устроены для развлечения ристалище, ипподром, театр, бассейн для плавания и изумительные трехъярусные бани, где ни в чем не было недостатка, между прочим и в благовонной смолистой воде.

О том, какой у телемитов был уклад жизни

Вся их жизнь была подчинена не законам, не уставам и не правилам, а их собственной доброй воле и хотению. Вставали они когда вздумается, пили, ели, трудились, спали когда заблагорассудится; никто не будил их, никто не неволил их пить, есть или еще что-либо делать. Такой порядок завел Гаргантюа. Их устав состоял только из одного правила:

ДЕЛАЙ ЧТО ХОЧЕШЬ,

ибо людей свободных, происходящих от добрых родителей, просвещенных, вращающихся в порядочном обществе, сама природа наделяет инстинктом и побудительною силою, которые постоянно наставляют их на добрые дела и отвлекают от порока, и сила эта зовется у них честью. Но когда тех же самых людей давят и гнетут подлое насилие и принуждение, они обращают благородный свой пыл, с которым они добровольно устремлялись к добродетели, на то, чтобы сбросить с себя и свергнуть ярмо рабства, ибо нас искони влечет к запретному и мы жаждем того, в чем нам отказано.

Благодаря свободе у телемитов возникло похвальное стремление делать всем то, чего, по-видимому, хотелось кому-нибудь одному. Если кто-нибудь из мужчин или женщин предлагал: "Выпьем!" – то выпивали все; если кто-нибудь предлагал: "Сыграем!" – то играли все; если кто-нибудь предлагал: "Пойдемте порезвимся в поле" – то шли все. Если кто-нибудь заговаривал о соколиной или же другой охоте, женщины тотчас садились на добрых иноходцев, на парадных верховых коней и сажали ястреба-перепелятника, сапсана или же дербника себе на руку, которую плотно облежала перчатка; мужчины брали с собой других птиц.

Андрей Пучков